

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-4-36-43

РУСИФИКАЦИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ В 60-Е ГГ. XIX В.: ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ

Ананьев С. В.

*Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии
Российской Федерации*

111250, Москва, ул. Красноказарменная, д. 9А, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотрение политики по русификации западных окраин Российской империи в 1860-е гг. на примере деятельности генерал-губернатора Северо-Западного края Михаила Николаевича Муравьева.

Процедура и методы. Проведён анализ опубликованных и неопубликованных документов из фондов Государственного архива Российской Федерации. В работе использованы ретроспективный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный, а также общенаучные методы исследования.

Результаты. Доказано, что весь комплекс административно-политических мер, проведённых генерал-губернатором М. Н. Муравьевым в деле русификации края, являлся эффективным и в дальнейшем был взят на вооружение царской администрацией в деле управления окраинами империи.

Теоретическая и/или практическая значимость. При исследовании политики администрации М. Н. Муравьева впервые проанализировано данное направление деятельности в общей канве проводимой царской политики по русификации Северо-Западного края и обеспечения общественной безопасности в регионе. Настоящая работа, основанная на архивных источниках, воспоминаниях современников событий и ряда современных исследователей проблемы, углубляет имеющиеся в отечественной историографии сведения по данному вопросу.

Ключевые слова: ассимиляция, мятежники, полонофобия, польское восстание, русификация, Северо-Западный край, усмирение

RUSSIFICATION OF THE NORTHWESTERN REGION IN THE 1860S: FEATURES OF IMPERIAL POLITICS AIMED AT ENSURING THE REGION SECURITY

S. Ananyev

*Main Center for Scientific Research of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation
ul. Krasnokazarmennaya 9A, Moscow 111250, Russian Federation*

Aim. To consider the Russification policy of the western outskirts of the Russian Empire in the 1860s on the example of the activities of the Governor-General of the Northwestern Region Mikhail Nikolayevich Muraviev.

Methodology. The analysis of both the published and unpublished documents from the funds of the State Archive of the Russian Federation was carried out. The work uses retrospective, problem-chronological, historical-comparative, as well as general scientific research methods.

Results. It has been proven that the entire set of administrative and political measures taken by Governor-General M. N. Muravyov in the Russification of the region was effective and was subsequently adopted by the tsarist administration in the management of the empire outskirts.

Research implications. The author, examining the policy of the administration of M.N. Muravyov, for the first time analyzed this area of activity in the general outline of the tsarist policy on the Russification of the North-Western region and ensuring public security in the region. The present work, based on archival sources, memoirs of the contemporaries of events and a number of modern researchers of the problem, deepens the information available in Russian historiography on this issue.

Keywords: assimilation, rebels, polonophobia, Polish uprising, Russification, Northwestern Territory, pacification

Введение

В последние годы в отечественной исторической науке отчётливо наметился интерес к национальной политике, проводимой на окраинах Российской империи; при этом советский и западный идеологический штамп «тюрьма народов» сегодня подвергается серьёзной критике. Отечественные исследователи отмечают, что правительство не выработало единой политики по русификации окраин и колебалось в выборе средств «обрусения» окраин. Поэтому в 1860-х гг. главной задачей власти на окраинах стала выработка единой модели политики по их русификации. Политика властей в Северо-Западном крае причудливо сочетала в себе русификацию и вестернизацию [4, с. 133–137].

Согласно мнению западных авторов царизм в данном случае начал ориентироваться на западные модели нацио-

нальной политики, при этом целенаправленного ущемления польского народа в правах не было [9, с. 27–40], однако в сложившейся в 1863–1864 гг. ситуации правительство было вынуждено дать отпор антиимперским притязаниям польских инсургентов.

Русификация Северо-Западного края, намеченная царским правительством и внедряемая на практике местной администрацией, осуществлялась в общей канве проводимой царской политики в регионе с целью обеспечения общественной безопасности на западных окраинах империи.

Настоящая работа, основанная на архивных источниках, воспоминаниях современников событий и ряда современных исследователей проблемы, ставит целью углубить имеющиеся в отечественной историографии сведения по данному вопросу.

Северо-Западный край в преддверие Польского восстания 1863–1864 гг.

Северо-Западный край – западная окраина Российской империи, составленная из исконно русских земель, возвращённых Российским государством по результатам трёх разделов Речи Посполитой в последней четверти XVIII столетия, была населена преимущественно литовским, белорусским и еврейским населением.

Внутриполитическая ситуация в регионе уже в первые годы царствования императора Александра II продолжала оставаться сложной, учитывая сохранявшееся доминирование католической церкви, польской шляхты и крупных земельных магнатов, да и в целом польского нарратива.

К тому времени самодержавие ещё не располагало единой, чёткой и последовательной стратегией русификации окраин империи. В Северо-Западном крае руководители русской политики практически не верили в возможность «обрусения» этих территорий. Данные территории в сознании царских чиновников продолжали оставаться «польскими» [1, с. 338]. Даже такие апологеты жёсткого курса царской политики в регионе, как М. Н. Муравьёв, ещё в январе 1863 г. мало верили в возможность удержания Царства Польского в составе Российской империи. Однако быстро меняющиеся политические события в крае убедили его в обратном.

В январе 1861 г. в Варшаве, а впоследствии и во всех губерниях Царства Польского и в Северо-Западном крае, начались беспорядки в форме манифестаций, религиозных процессий и траурных шествий. Находившийся в то время на посту генерал-губернатора края В. И. Назимов, несмотря на предоставленные ему царским правительством фактически неограниченные полномочия, не сумел справиться с общественно-политическим протестом, окрашенным в национальные

и религиозные тона, хотя и пытался посредством либеральных уступок польскому дворянству, внедрения мер «полонизации» в культурной и политической жизни региона, разрешения деятельности различных польских общественных учреждений приостановить «сползание» вверенного ему края в политическую смуту [3, с. 22–23].

Крепкое положение католического духовенства и его духовно-идеологическое воздействие на жителей края также оказывали своё воздействие. Напротив, положение православной церкви было фактически низведено до катастрофического [5, с. 10–11]. Печать и пропаганда находились в руках представителей польской народности, а их направленность зачастую носила ярко выраженный антирусский характер. Всё это порождало и укрепляло в их сознании идею сепаратизма с дальнейшим отделением от Российской империи с воссозданием новой Речи Посполитой.

Меры по русификации края генерал-губернатором М. Н. Муравьёвым

В январе 1863 г. общественно-политические и религиозные манифестации переросли в вооружённое восстание в Царстве Польском, которое затем распространилось и в губерниях Северо-Западного края. Несмотря на то, что вооружённое восстание фактически было подавлено ещё в период управления краем генерал-губернатором В. И. Назимовым, польские мятежные отряды формировались снова, имея влияние на терроризируемую ими социальную среду. Убедившись в неспособности местных властей к восстановлению общественного порядка, правительство пошло на непопулярный в канве проводимых в государстве либеральных преобразований шаг – назначило М. Н. Муравьёва генерал-губернатором, который в ту пору отличался реакционно-политическими

взглядами и имел прозвища «вешатель» и «крепостник». От него власть ждала «усмирения» Северо-Западного края.

Одной из мер подавления восстания 1863 г. с целью предотвращения возможных негативных последствий для самого самодержавия стала русификация края, которая проводилась жёстко и последовательно.

М. Н. Муравьёв к тому времени уже был знаком с данным регионом и имел опыт управлением его отдельных губерний ещё в 1830-х гг. Именно тогда у него сложилось твёрдое убеждение, что этнически крестьянское население края – русское, социальная же верхушка – сугубо польская [7, с. 239–240].

Первым делом генерал-губернатор счёл необходимым наказать участников восстания путём публичных казней и выслать наиболее активных его представителей во внутренние губернии империи, показав тем самым доминирование в крае «русского дела». С мая 1863 г. по декабрь 1864 г. по официальным данным было казнено 128 человек¹. Высылке подверглись около 10 тыс. человек². Был проведён ряд других репрессивных мер по отношению к польскому дворянству, духовенству, мятежной шляхте³. Следует отметить, что правительственный террор был ответом на политический терроризм со стороны т. н. польской «народовой стражи» и «кинжалщиков», но никак не наоборот (3, с. 26–27). При этом новая администрация края пыталась направить все силы на ограждение региона от распространения революционных идей непосредственно из самого Царства Польского.

Одной из форм русификации, по мнению Муравьёва, была идеологическая составляющая, своего рода информационная война по дискредитации в общественном сознании носителей польской культуры и пропаганды. В этом процес-

се местной администрации активно помогала консервативно-охранительная печать, внедряя и культивируя в общественном сознании следующие эпитеты: фанатичный католик, враг освобождения крестьян, враг реформ, защитник узкословных привилегий и т. п. Вопрос ставился так, что «исконно русский» край оказался на грани «ополячения», поэтому правительство было вынуждено прибегнуть к жёстким мерам.

Одной идеологии было мало, поэтому власть приложила максимум усилий для нивелирования материальной составляющей польского мятежа. С этой целью проводилась политика по секвестрованию земельного имущества с польских дворян и шляхты, взимались штрафы. К покупке секвестрованных имений допускались лишь лица русского происхождения.

После 1864 г. М. Н. Муравьёв стал развивать мысль о призвании в край русских чиновников и наделении их землёй [2, с. 215]. Муравьёв так сформулировал конечную цель «усмирения» края: «Крамола здесь угаснет, когда паны, как казанские татары, будут продавать халаты и мыло» [2, с. 210].

Ещё одной важной мерой в деле русификации края Муравьёв считал улучшение положения православной церкви [5, с. 56]. Усиление позиций православия началось с 1864 г. Было выделено около 42 тыс. руб. духовным лицам, пострадавшим в восстании. Жалование православных священников в городах края составило не менее 400 руб. в год, а сельские получали по 200 руб. Особое значение имело восстановление виленских святынь – храмов и часовен. Из местного бюджета на эти цели было выделено около 900 тыс. руб. Так, были отремонтированы более 120 церквей и храмов, построены около 100 новых.

В том же году началась «русификация» костела: служба в католических церквях теперь проходила на русском языке. Отождествлять поляков с католи-

¹ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 57. Л. 9-10, 39.

² Там же. Л. 8, 14.

³ Там же. Оп. 1. Д. 51. Л. 2; Д. 57. Л. 5; Д. 71. Л. 11-12.

ческой верой стало очень удобно. Правительство встало на путь ликвидации и униатской церкви в крае, считавшейся орудием католической реакции. Необходимо было прервать связь ополяченной части населения края с Царством Польским, освободить русский католицизм края от польской окраски. Таким образом, православная церковь стала важным инструментом в деле русификации края.

Большое внимание уделялось возрождению нравственного влияния церкви на жителей края, а православное духовенство активно вовлекалось в сферу народного просвещения. Создавались народные школы для детей всех сословий, преимущественно для крестьян, которые должны были со временем вытеснить идентичные польские. Фактически за год, к концу 1864 г., число народных школ увеличилось почти в 4 раза, составив 520 учебных заведений.

Циркуляр 1 января 1864 г. также запрещал преподавание польского языка и употребление польских букварей для обучения крестьян¹. Повсеместно закрывались польские гимназии и женские пансионы².

Муравьев в 1863–1864 гг. вмешался и в порядок функционирования еврейских школ в крае³. Проводилась популяризация общих корней русского языка с белорусским и литовским языками. Русский алфавит в Северо-Западном крае был призван предотвратить «превращение местного населения в поляков».

Польские учителя повсеместно замещались русскими учителями. Русским учителям предлагались заманчивые условия: бесплатная квартира с отоплением, жалование в размере 150–200 руб., а также подъемные и прогонные деньги.

Правой рукой Муравьева в школьном деле стал новый попечитель Виленского учебного округа И. П. Корнилов.

Помимо образования были приняты меры по унификации по русскому образцу транспортной, таможенной и почтовой служб [8, с. 144]. Запрещалась официальная переписка на польском языке. Русским было запрещено жениться на польках⁴. Циркуляр генерал-губернатора от 24 марта 1864 г. постановлял все вывески, объявления, надписи и т. п. на польском языке в скором времени заменить на русский. Велась борьба и с польской символикой [6, с. 136–137].

Таким образом, в годы генерал-губернаторства М. Н. Муравьева в Северо-Западном крае был задан курс на русификацию края и его унификацию с остальными территориями империи. В апреле 1865 г. Муравьев как бы подытожил проведённые им мероприятия, написав Александру II: «Я знаю, что многие осуждают принятые меры для подавления в крае польского элемента, но это единственное средство к удержанию края...»⁵.

Считая, что на достигнутом не следует останавливаться, наместник края предлагал не снимать военного положения в губерниях края как минимум несколько лет и не отменять 5% сбора с польских помещиков, которых «надобно, как говорится, бить по карману, тогда всё будет спокойно», не возвращать ещё долгое время высланных из края мятежников, продолжать устраивать быт крестьян и православных священников⁶.

Все указанные меры после обсуждения Западным комитетом были приняты правительством. Царь в ноябре 1863 г. заявил: «Всё идёт хорошо, и я очень хотел бы, чтобы Михаил Николаевич продолжил им начатое»⁷.

Таким образом, в крае сложилась «система Муравьева», временно одобрен-

¹ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 50. Л. 2 об.

² Там же. Д. 48. Л. 6.

³ РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 908. Л. 138.

⁴ Цилов Н. И. Сборник распоряжений графа М. Н. Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях 1863–1864 гг. Вильна: Тип. А. Киркора и братьев Роммов, 1866. С. 280.

⁵ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 48. Л. 65.

⁶ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 48. Л. 65–66.

⁷ Там же. Д. 79. Л. 2.

ная на самом высоком государственном уровне.

Русификация Северо-Западного края при преемниках М. Н. Муравьёва

У преемников Муравьёва в Северо-Западном крае возникла следующая дилемма: продолжать избранную им линию русификации или пойти на её видоизменение. В качестве наместников предлагались кандидатуры А. П. Хрущёва и А. Л. Потапова. Но обстоятельства сложились так, что пост нового генерал-губернатора занял К. П. Кауфман (1865–1866 гг.), продолживший репрессивные меры по отношению к бывшим мятежникам, ещё более усиливший русификаторский нажим на здешнюю польскую социальную среду.

Он, так же, как и Муравьёв, исходил из представления, что Северо-Западный край – исконно русский, и, по его мнению, польская народность не имела оснований заявлять свои права на данную территорию империи. Кауфман, можно сказать, шёл по стопам своего предшественника и содействовал укреплению русского землевладения в крае, применял различные способы вовлечения местного населения в православную веру.

Прозелитизм в период наместничества К. П. Кауфмана достиг наибольших размеров. Так, только в Минской губернии из католицизма в православие перешли более 20 тыс. католиков. Польский язык был окончательно исключён из учебных программ в крае. Кауфман выступал за полную этническую ассимиляцию польского населения края. Основополагающим принципом ассимиляторской политики Кауфмана было отождествление польской национальности с католическим вероисповеданием.

Постоянные жалобы на Кауфмана императору Александру II со стороны виднейших государственных сановников, прежде всего, министра внутренних дел П. А. Валуева, сыграли свою роль в его отстранении с поста генерал-губернатора.

Новый генерал-губернатор граф Э. Т. Баранов (1866–1868 гг.) сменил бескомпромиссную позицию в отношении «польского элемента» края на более гибкую политику, при этом заданный его предшественниками общий курс по русификации края продолжался по инерции. Определённым послаблениям подверглись жители края в части полицейского надзора и смягчения в отношении высланных во внутренние губернии мятежников, началось муссирование вопроса по отмене военного положения в крае.

Впервые заданный М. Н. Муравьёвым и К. П. Кауфманом курс «обрусения» края подвергся существенному пересмотру в период управления Северо-Западным краем А. Л. Потаповым (1868–1874 гг.). Смягчения произошли, наконец, в культурно-религиозной сфере. Ослабилась цензура, прекратились преследования и жёсткий надзор за католическим клиром. В 1870-х гг. полякам был открыт доступ к государственной службе. Генерал-губернатор И. С. Каханов уже в годы правления Александра III сокрушался, что придётся снова приниматься за работу, начатую Муравьёвым.

Все эти послабления привели в конце 1860-х гг. – начале 1870-х гг. к оживлению польского революционного движения в регионе, руководители и вдохновители которого воспользовались непоследовательностью проводимой царским правительством политики, чтобы начать новый натиск на самодержавие.

Заключение

Несмотря на жёсткий курс по русификации западных окраин Российской империи, заданный царским правительством в 1860-е гг., он не отличался последовательностью проводимых мер. 10-летний срок борьбы с носителями польской идентичности и политической культуры был слишком малым отрезком исторического времени для того, чтобы нивелировать предшествующую этим событиям

трёхвековую польскую экспансию данных земель. Не удалось создать сильный русский землевладельческий элемент, чиновничий аппарат, присланный из внутренних губерний империи, также оставался желать лучшего.

Начальные успехи русификации не смогли подавить стремление поляков к независимости. Система насильственного «обрусения» привела к обратному результату, породив в польской среде явления «упорствующих» и «отсутствующих» по отношению к проводимым в регионе мероприятиям царского правительства, продемонстрировав высокий иммунитет и устойчивость польской среды к попыткам культурной и духовной ассимиляции. Польское общество в ответ на русификацию стремилось всё более замкнуться в себе, временно отказавшись от попыток общественно-политического протеста, выжидая для этого более подходящий момент. Переселенческая политика не привела к «обрусению» поля-

ков, а способствовала распространению польских идей и их культуры в русскую провинцию.

Следует, пожалуй, согласиться с мнением сподвижника М. Н. Муравьёва жандармского полковника П. А. Червина, который писал: «Если бы система генерала Кауфмана выдержала бы 5 лет, латинство бы навсегда погибло в Западном крае, но легален ли подобный способ? Мое мнение – да, если вы считаете себя достаточно сильным, чтобы выдержать до конца дело. Но где же колеблющемуся правительству преследовать подобную трудную задачу...»¹.

Тем не менее в Северо-Западном крае в 1860-х гг. был выработан стандарт дальнейших русификаторских проектов вплоть до распада Российской империи в 1917 г., и руководившие этим регионом наместники сыграли в формировании данной модели немаловажную роль.

Дата поступления в редакцию 01.06.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Долбилов М. Д. Конструирование образа мятежа: политика М. Н. Муравьёва в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. или объект историко-антропологического анализа // *Actio Nova* / отв. ред. А. И. Филюшкин. М.: Глобус, 2000. С. 338–408.
2. Долбилов М. Д., Миллер А. И. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 605 с.
3. Дюков А. Р. «Кто против польского правительства, тому огонь и виселица». Повстанческий террор 1863–1864 гг. в Царстве Польском и Северо-западном крае Российской империи // *Белорусский исторический обзор*. 2021. № 2. С. 19–43.
4. Миллер А. И. Русификации: классифицировать и понять // *Ab imperio*. 2004. № 2. С. 133–149.
5. Миловидов А. И. Заслуги М. Н. Муравьёва для православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков: тип. Губ. правл., 1900. 92 с.
6. Мосолов А. Н. Виленские очерки. 1863–1865 гг. СПб: Тип. А. С. Суворина, 1898. 253 с.
7. Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Вильна, 1867. 686 с.
8. Тихонов А. К. Власти и католическое население России в XVIII–XIX веках // *Вопросы истории*. 2004. № 3. С. 142–147.
9. Weeks T. R. Defining us and Them: Poles and Russians in the «western provinces», 1863–1914 // *Slavic review*. 1991. № 1. P. 27–40.

¹ Червин П. А. Воспоминания. 1863–1865. Кострома: Изд-во Костромского научного общества по изучению местного края, 1920. С. 66 с.

REFERENCES

1. Dolbilov M. D. [Constructing the image of rebellion: the policy of M. N. Muravyov in the Lithuanian-Belarusian region in 1863-1865 or an object of historical and anthropological analysis]. In: Filyushkin A. I., ed. *Actio Nova*. Moscow, Globus Publ., 2000, pp. 338–408.
2. Dolbilov M. D., Miller A. I. *Zapadnyye okrainy Rossiyskoy imperii* [Western outskirts of the Russian Empire]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2006. 605 p.
3. Dyukov A. R. [“Whoever is against the Polish government will face fire and the gallows.” Insurgent terror 1863–1864 in the Kingdom of Poland and the Northwestern Territory of the Russian Empire]. In: *Belorusskiy istoricheskiy obzor* [Belarusian Historical Review], 2021, no. 2, pp. 19–43.
4. Miller A. I. [Russification: classify and understand]. In: *Ab imperio*, 2004, no. 2, pp. 133–149.
5. Milovidov A. I. *Muravyova dlya pravoslavnoy tserkvi v Severo-Zapadnom kraye* [Merits of M. N. Muravyov for the Orthodox Church in the North-Western Territory]. Kharkov, Tip. Gub. pravl. Publ., 1900. 92 p.
6. Mosolov A. N. *Vilenskiye ocherki. 1863–1865 gg.* [Vilna essays. 1863–1865]. St. Peterburg, Tip. A. S. Suvorina Publ., 1898. 253 p.
7. Ratch V. F. *Svedeniya o pol'skom myatezhe 1863 goda v Severo-Zapadnoy Rossii* [Information about the Polish rebellion of 1863 in North-Western Russia]. Vilna, 1867. 686 p.
8. Tikhonov A. K. [Authorities and the Catholic population of Russia in the 18th–19th centuries]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 2004, no. 3, pp. 142–147.
9. Weeks T. R. Defining us and Them: Poles and Russians in the «western provinces», 1863–1914. In: *Slavic review*, 1991, no. 1, pp. 27–40.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ананьев Сергей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, старший офицер научного отдела Главного центра научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации;
e-mail: sergey_ananyev1982@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Ananyev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Senior Officer, Scientific Department, Main Center for Scientific Research of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation
e-mail: sergey_ananyev1982@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ананьев С. В. Русификация Северо-Западного края в 60-е гг. XIX в.: особенности имперской политики по обеспечению безопасности в регионе // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 4. С. 36–43.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-4-36-43

FOR CITATION

Ananyev S. V. Russification of the Northwestern region in the 1860s: features of imperial politics aimed at ensuring the region security. In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 4, pp. 36–43.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-4-36-43